

Александр Фрадис

Зарисовки с натуры (рассказы)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Фрадис
Зарисовки с натуры (рассказы)

<https://litres.ru/73524693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Быт и нравы доперестроечного и перестроечного периодов полупровинциальных городов европейского юга СССР, а также литературные поползновения главного персонажа

Александр Фрадис

Зарисовки с натуры (рассказы)

Внутренняя Одесса и Внутренний Кишинёв

*«Страна не пожалеет обо мне –
но обо мне товарищи заплачут...»*

Г. Шпаликов

«Время, назад!..»

Саша Васильев, рок-гр. Сплин, СПб, 21-й век

Кишинёв расположен на холмах, которые покатые, но высокие, и с вершины каждого видно очень многое. А Одесса расположена пусть и не на холмах, но имеет обрывистые берега моря, с которых в хорошую погоду тоже видно очень многое, а в нехорошую погоду видно, по крайней мере, как грязные волны окатывают гальку и бетон, и ржавую арматуру, торчащую из глины, воды и вообще всякой всячины. Поэтому в Одессе и Кишинёве многие мальчики и девочки, родившись, хотят стать альпинистами и скалолазами, чтобы, забравшись на вершину какой-нибудь Чогори, увидеть там –

вернее, оттуда – Старую Почту, Чеканы или 16-ю станцию Большого Фонтана. А умерев, многие мальчики и девочки из Одессы и Кишинёва все как один попадают... Я не знаю, честно говоря, куда – возможно, в Хайфу Небесную или в темноту просто. Мне мама в детстве всегда говорила, если я буду далеко заплывать, то меня может затянуть в открытое море и унести в Турцию.

Одесса сама по себе и Кишинёв сам по себе. Одесса и Кишинёв вместе – так не бывает. Куда, спрашивается, денешь новые кордоны и старые два вокзала с той и с другой стороны? Кордоны-то ещё можно оставить на красно-коричневой совести Смирнова да генеральской убиенного Лебеда. Вставить в фигурные скобки Бендер и Раздельной. Заставить БТРми и КПП с “миротворцами”. А вот вокзалы никогда не денутся никуда!

Кишинёв – родина, дом, пуповина. Одесса – тоже пуповина, но перекрученная и от души к Астралу, которого нету. Тоже родина, но двоюродная. Тоже дом, но в смысле не знаю чего... Зато базар! Привоз мой любимый плюс маленькая толкучка на трамвайном кругу. Зато Французский буль и Провиантский пер. Зато Аркадия, где дочь Сталкера и её Зона. Мне 14 лет. Я не нарочно! Просто я родился и вырос на юге, в Советском Союзе ужасно-великого века. Так вышло...

В Августе и в Декабре 68-го

В августе, в Кишинёве... Как всегда, вначале никто не понимал, что произошло. По инерции продолжал свои гастроли цирк из Братиславы. Старенький радиоприёмник "Балтика" отчаянно скрипел на коротких волнах, словно разошедшаяся черноморская шаланда. Я ездил на открытый бассейн за вокзалом, где изредка появлялась девочка Тамара со своим очередным ухажёром – на сей раз это был Генка Гринман, мой злейший враг. Поглядывая из-за скамеек на злополучную парочку, я строил планы страшной мести и вспоминал, как целовался с Тамаркой в июне на спортплощадке института физкультуры, в то время как её подружка Зинка Конопля дразнила, задирая юбку, Витьку Котовского и Толика Чебанова. Поговаривали, что Зинка "даёт", хотя точно этого никто не знал. Котовский обещался проверить, специально поил Коноплю сладким Рошу-де-десерт, но дальше поцелуйчиков и обжиманий у него дело не шло. Я же, ни на что особенно не претендуя, сидел в обнимку на лавочке с Тамаркой, курил дешёвую и крепкую "Ляну" и читал ей вполголоса стихи тогда ещё любимого Роберта Рождественского. Потом мы немножко целовались. Тамарка даже позволяла мне потрогать через платье свою вполне взрослую грудь. Потом расходились по домам. В конце июня я уехал с родителями в Прибалтику, затем к двоюродному брату в Ленинград. А в августе застрял в Кишинёве, страдая от Тамаркиной измены и близости учебного года.

Так до сих пор и не могу понять, что заставило меня одним прекрасным утром, когда родители были на работе, извлечь из письменного стола блокнот с цветными карандашами и написать печатными буквами на десяти или пятнадцати отрывных листах: "Свободу народу Чехословакии", "Позор интервентам" и ещё что-то в этом роде. Я был далёк от политики. По крайней мере, не очень в ней разбирался. Ну, слушал иногда "Голос Америки" – в основном, субботнюю музыкальную программу. Сочинил под влиянием евшушенковской "Братской ГЭС" два или три "антисталинских" стихотворения, которые похвалил старший брат моего приятеля, Вика Аранов, студент из Ленинграда. При этом я свято верил в незыблемость мироздания, не вникая особенно ни в брюзжание родителей по поводу нехватки продуктов, ни в сообщения об отъезде очередного соседа в Израиль. То есть, всё это мной как-то воспринималось и где-то откладывалось, но были вещи поважнее. Например, девочки. Например, стихи. Например, тот факт, что мне первому из всего класса родители позволили открыто курить, при условии, что я буду каждое утро делать зарядку, нормально питаться и перестану пить сухое вино в бадыге у дяди Сёмы. Я уже перерос увлечение приклатнённой компанией с Магалы – этому поспособствовал позорный мордобой с одним из недавних дружков, выявивший мою хиловатость и неумение махать кулаками. Позади остались два побега из дома, в результате которых я еле вытянул на тройки девятый класс,

зато уверовал в свой поэтический дар и полюбил внешнюю независимость. В моих друзьях ныне числились участники литобъединения "Орбита" – Изя Коза и Боря Викторов, оба старше меня на несколько лет, причём Викторов даже умудрился в свои девятнадцать выпустить в местном издательстве сборник стихов под названием "ПарОм". Мне тоже довелось вкусить сладость славы, когда республиканская "Молодёжка" опубликовала несколько моих стихотворений, подпортив, впрочем, праздник тем, что вслед за фамилией автора маленькими буквами было указано: "школьник". Родители моих литературных амбиций всерьёз не воспринимали, их больше волновали оценки. Было время, когда я собирался стать биохимиком, и мне нанимали репетитора по математике, чтобы готовить в ВУЗ. В середине девятого класса, посмотрев фильм "Мёртвый сезон", я явился в военкомат с просьбой зачислить меня в секретную спецшколу КГБ. Это привело родителей в ужас, но классный руководитель Филипп Борисович умышленно вкатил в таблицу за третью четверть двойку по географии и тройку по поведению – и в военкомате со мной разговаривать не стали. Трезво поразмыслив, я и сам решил, что идея стать разведчиком не вполне зрелая, ибо как человек военный я никогда не смогу отпустить длинные волосы или завести бороду...

Вырвав из блокнота несколько исписанных листов, я вышел из дому, поднялся по Мичурина до улицы Фрунзе, где

на углу в старом одноэтажном здании с некогда роскошным подъездом размещалось районное Управление Внутренних дел, и огляделся по сторонам. На перекрёстке и в обозримой перспективе не было ни души, разве что изредка проезжали туда и обратно грузовики с тарахтящими деревянными бортами. Я разбросал несколько листовок на тротуаре, а парочку засунул в чей-то бесхозный почтовый ящик. Быстрым шагом пройдя до середины квартала, я аккуратно уронил ещё штуки три, нырнул в знакомый проходной двор и притаился у щели в заборе. Мне было хорошо видно, как редкими, но резкими порывами ветра листовки разносятся вдоль тротуара, вылетают на проезжую часть, смешиваются с пылью и кучками мусора, оставленными у бровки нерадивыми дворниками, тают в пространстве. В августе в Кишинёве, вообще-то, стоит духота и воняет помойкой. К этому примешивается запах жарящихся перцев со всех дворов околотка. Но ветер нет-нет, да и дунет, непонятно откуда... Наконец, из подъезда Внутренних дел вышел человек в штатском, взглянул под ноги и заметил мою листовку. Он поднял её, разглядел, наверное, изменился в лице (мне было не видно издали, из-за забора) и скоренько бросился назад в подъезд. Я был удовлетворён. Прошмыгнув дворами на улицу Стефана Великого, я двинул к Ильинскому рынку, выпил у крестьян стакан мутноватой "европейской смеси" за шестнадцать копеек и на сдачу с рубля съел порцию мититеев. К вечеру о проделке было забыто и, может, и не вспомнилось бы нико-

гда, если бы не мама...

В августе, в Кишинёве, да ещё в конце шестидесятых, по вечерам косяками бродят подростки в расклешённых брюках и миниюбках. Джинсами пока не пахнет, но из окон уже доносятся то Битлы, то Высоцкий. Качество записи отвратительное, но важен факт. Впрочем, чрезвычайно популярны и шпанистые гитаристы, окружённые кодлой нервных юношей, патлатых или вызывающе обритых наголо. Вино из-горла пьют так: закидывают голову назад, подставляя к подбородку сведённые плотно пальцы левой руки, а в правой держат вертикально, но вверх тормашками, литровый огнетушитель с Вин-де-масэ. Губ касаться нельзя. Вино должно литься в горло и дальше – минуя мягкое нёбо – прямо в желудок. Если невольно хлебнёшь – захлебнёшься. Этому искусству учатся в подворотне у старших. После двух-трёх бутылок на пятерых по кругу идут шмонать копейки на ещё одну. Я копейки шмонать не ходил, у меня обычно водился рубль в каком-нибудь брючном кармане. К тому же, я сам частенько пел под гитару, так что меня благодарно поили. Играл я плохо, голосом владел ещё хуже, но зато знал кучу блатных песен, которые крутил с утра до вечера на магнитофоне сосед-эпилептик Женя Герасименко. Больше всего мне нравилось: "Всю Россию я проехал с Алёхой, даже в Турции бывал, дай-дай". Там в конце припева такое тоскливо-залихватское подвывание – от него у меня мурашки по коже до

сих пор бегут...

Когда я заявился домой после одиннадцати, родители ещё не спали. Они сидели на кухне: мама – с суровым лицом, отец – с беломориной. Яичницы на сковородке не было, и это меня насторожило.

– Ну-ка, иди сюда, – сказала мама, предупредив мою попытку проскочить из прихожей в комнату. Я вошёл в кухню и сел в угол между холодильником и газовым баллоном.

– Что это такое? – сказала мама, показывая мне давешний блокнот. Видимо, второпях я забыл убрать его в стол.

– Это... Так... – пробормотал я, стараясь не дышать в сторону родителей. Тщетно.

– Кого мы растим! – мамин голос крепчал, наливался одновременно гневом и слезами. – Шляется. Пьёт. Дома ничего не делает. Книг не читает. К школе не готовится. И теперь – это! Ты что, сам в тюрьму хочешь сесть и всю семью за собой потащить?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.